

УДК 882(092)Гумилев
DOI 10.17223/18137083/53/12

А. Г. Бичевин

Иркутский государственный университет

**Оппозиция «личное – внеиндивидуальное»
в сборнике Н. С. Гумилева «Шатер» (субъектный аспект)**

Рассмотрен субъектный аспект реализации ценностной оппозиции «личное – внеиндивидуальное» в сборнике Н. С. Гумилева «Шатер». Анализ ориентирован на раскрытие динамики субъектно-объектных отношений («субъектного движения») в плане выявления структурных показателей распределения позиций «личного» и «внеиндивидуального», отражающих установку «концептированного автора». Специфика субъектной организации «Шатра» определяется наличием нескольких групп стихотворений, представляющих модели форм лирического повествователя, лирического «я» и лирического героя. Указанные модели характеризуются различной степенью проявленности оценки субъекта. Позитивная трактовка антропологической проблематики актуальна в случае большей выраженности «я-позиции» («личного»), акцентировка конфликтной составляющей – в случае преобладания объекта («внеиндивидуального»). Вариативность субъектной репрезентации авторского сознания эксплицирует обновленное видение проблемы взаимодействия человека и окружающего мира, маркируя перспективу «спиритуализации» объектной сферы в контексте «становящейся субъективности».

Ключевые слова: Н. Гумилев, авторское сознание, оппозиция «личное – внеиндивидуальное», субъектно-объектные отношения.

«Африканский текст» Н. С. Гумилева составляет разработанную область современного литературоведения (исследования А. Б. Давидсона, М. Баскера, А. И. Павловского, Е. Ю. Раскиной, А. И. Башук, И. Видугирите, Е. Ю. Куликовой). Общим для большинства работ является утверждение необычайной насыщенности восприятия, многообразия средств художественного претворения «африканского контекста»¹, что с наибольшей полнотой нашло выражение в по-

¹ По мнению А. И. Башук, «древняя культура и история Африки способствовали созданию нового литературного течения – акмеизма, которое отличалось жизнепритием, утверждением зримого и осязаемого мира, вниманием к проблемам поэтики» (*Башук А. И. Роль африканских впечатлений в создании теоретической платформы русского акмеизма*. URL: <http://www.gumilev.ru/acmeism/9/>).

Бичевин Анатолий Геннадьевич – аспирант кафедры новейшей русской литературы Иркутского государственного университета (ул. Чкалова, 2, Иркутск, 664025, Россия; bichevin.an@yandex.ru)

ISSN 1813-7083 Сибирский филологический журнал. 2015. № 4
© А. Г. Бичевин, 2015

этическом сборнике «Шатер» (1922)², концентрированно воплотившем ориентальный вектор творчества Н. Гумилева.

Стихотворения «Шатра» занимают особое место в поздней лирике автора. Развитость объектной перспективы (предметные, природные, исторические реалии) предопределяет постановку вопроса о характере звучания «африканской темь», предполагая особое внимание к плану соотношения «внешнего» и «внутреннего». «Постоянная декоративность и красочность не только не заслоняют душевности и внутреннего звучания, но сливаются с ними», – определяет Ю. Н. Верховский специфику лиро-эпического пространства «Шатра», фиксируя продуктивный подход к интерпретации сборника [Верховский, 2000, с. 532].

«Субъективное» (душевное, эмоциональное, лирическое) и «объективное» (декоративное, описательное, эпическое) начала «Шатра» перспективно рассматривать в аспекте их взаимной соотношенности³: исследование автором природы отношений «личного» и «внеиндивидуального» является развитием акмеистической установки на «более точное знание отношений между субъектом и объектом» [Гумилев, 1990а, с. 410].

Авторское сознание («концептированный автор») характеризуется «особыми принципами осознания и изображения действительности» [Корман, 1964, с. 9], при этом позиция автора находит выражение, прежде всего, в субъектной призме художественно освоенной реальности [Там же, с. 8]. Внимание к динамической соотношенности субъектного и объектного планов на пространстве текстуального целого посредством анализа субъектных форм опосредования авторского сознания способствует выявлению концептуальной доминанты «Шатра».

В сборнике представлены следующие субъектные формы: лирический повествователь, лирическое «я», лирический герой. Для большинства стихотворений книги характерна совмещенность основных субъектов, демонстрирующих различную степень проявленности в пределах одного текста.

Самоценный статус объекта продуцирует наличие группы произведений с преобладанием сознания лирического повествователя («высказывание принадлежит третьему лицу, а субъект речи грамматически не выражен» [Бройтман, 1999, с. 145]). Сюда относятся стихотворения «Замбези», «Дагомейя», «Дамара (готтентотская космогония)».

В стихотворениях «Замбези» и «Дагомейя» Африка увидена в ракурсе «имманентной конфликтности»: персонажи указанных произведений отнесены к области построения метаобраза «Шатра» – «облеченного в пламя и дымы» «черного континента»⁴. Герой «Замбези» (воин-зулус) убивает льва, после чего, одержимый «духами тумана», ищет схватки с беспощадным противником («*Это слон в неизведанных чащах, / Он, как я, одинок и велик / И вонзает во всех проходящих / Пожелтевший изломанный клык*» [Гумилев, 1990б, с. 305–306]). Следует обратить внимание на наличие прямой речи – зоны сознания воина – в большей

² Известны севастопольское (1921) и ревельское (1922) издания «Шатра». В настоящей статье анализируется корпус текстов ревельского варианта.

³ На потенциал синтеза начал косвенно указывает вводная часть «Африканской охоты» (1916) – одного из базовых текстов в ареале «африканской» тематики Гумилева: «На старинных виньетках часто изображали Африку в виде *молодой девушки*, прекрасной, несмотря на грубую простоту ее форм, и всегда, всегда окруженной дикими зверями»; далее: «Это нам здесь, в Европе, кажется, что *борьба человека с природой закончилась* или, во всяком случае, перевес уже, очевидно, на нашей стороне. *Для побывавших в Африке дело представляется иначе*» [Гумилев, 2005, с. 100]. Здесь и далее курсив в цитатах наш. – А. Б.

⁴ Об органической включенности образов африканцев в рамки указанного метаобраза свидетельствуют строки «Абиссинии»: «Европеец дивится, как *странно похожи / Друг на друга народ и отчизна его*» [Гумилев, 1990б, с. 297].

части текста. Импульс «ролевизации» маркирует отдаление от авторского плана, с чем связана также ценностная дистанция.

Поясним сказанное на примере стихотворения «Дагомья». В «Дагомее» царь казнит своего полководца «в награду» за воинские свершения. Необычайность ритуала самоубийственного подчинения дана в ракурсе нарративного отстранения. Речь царя (первые два четверостишия) поддерживает ряд устойчивых номинаций, подчеркивающих гиперболизированный характер аутентичной семантики конфликта: «Царь сказал своему полководцу: “Могучий, / Ты высок, точно *слон дагомейских лесов*, / Но ты все-таки ниже торжественной кучи / *Отсеченных тобой человеческих голов*”» [Там же, с. 309].

В стихотворении «Дамара (готтентотская космогония)» рассказ о гибели «неразумной птицы», решившей «с Богом сравниться», актуализирует понимание изначальной уязвимости человека как родового существа («Дамара» излагает миф о происхождении племени): «Человеку грешно гордиться, / Человека ничтожна сила» [Там же, с. 306].

Стихотворение «Либерия» отмечено иронией, что свидетельствует о смягчении акцентов. Эпизоды в составе повествовательного единства «Либерии» имеют потенциал нарративного расширения (отношения с Америкой, обновленный уклад либерийцев, случай с шимпанзе, занявшим президентское место). Отчетлив импульс драматизации, маркированный вводом «чужой речи»: «“Вы сегодня бледней, чем всегда!” – / Позабывшись, вы скажете даме» [Там же, с. 302]. Вместе с тем по сравнению со стихотворениями «Замбези», «Дагомья», «Дамара (готтентотская космогония)» субъект – субъективное («личное») начало, оценка – проявлен в большей степени (ср. наличие местоименных и глагольных форм второго лица «Вы», «скажете», «догадайтесь»), формируя позицию «доверительного рассказчика».

Сознание «доверительного рассказчика» объединяет группу текстов, характеризующихся движением к большей выраженности «я-позиции» («Либерия», «Экваториальный лес», «Сомалийский полуостров», «Галла»).

В стихотворении «Сомалийский полуостров» следует отметить интенсивность переживаний субъекта; приближенность к форме лирического героя обусловлена актуализацией мотива памяти, «центрацией» лирического сюжета вокруг фигуры героя. В то же время «я» текста видит себя как часть «мы»: «Люди гибли в пучине, и *мы* на земле / Тоже *гибли и ждали* во мгле» [Там же, с. 300].

Близок к лирическому герою субъект стихотворения «Галла», о чем свидетельствуют «биографичность» предметной детализации («бельгийский пистолет», «портрет государя»), подчеркнутость индивидуальной точки зрения («На девятую ночь я увидел с горы – / Этот миг *никогда не забуду*» [Там же, с. 298]). При этом индивидуализированности лирического монолога сопутствует вектор «диалогизации» восприятия: «Жирный негр восседал на персидских коврах / <...> / *Я склонился, он мне улыбнулся в ответ*» [Там же, с. 299].

Сознание лирического «я» (субъект не является преимущественным объектом изображения) объединяет две группы: стихотворения с субъектом в статусе «рефлектирующего наблюдателя» – «Сахара», «Судан», «Абиссиния» и произведения с «оличненным» лирическим «я» – «Красное море», «Суэцкий канал», «Египет».

«Сахара» в большей мере относится к сфере реализации сознания лирического «я». Субъект сосредоточен на обнаружении объективных закономерностей (неостановимое расширение границ пустыни), с чем связаны безличная тональность (подчеркнутая описательность) текста, отсутствие речевых маркеров личного присутствия (глагольных и местоименных форм первого лица), неоднократное употребление неопределенно-личных форм глагола: «*Ты* в одной лишь пустыне на свете / *Не захочешь* людей и *не встретишь* людей» [Гумилев, 1990б, с. 290].

Преодоление инерции установок «безличного наблюдателя» очевидно во вступлении к «Красному морю»: «Здравствуй, Красное море!» [Там же, с. 285]. «Египет» транслирует семантику «одомашненной экзотики»: «Как картинка из книжки старинной, / Услаждавшей мои вечера, / Изумрудные эти равнины / И раскидистых пальм веера» [Там же, с. 286]. Мотив воспоминания о «вечерах» вводит изображение «трансисторического» пространства Египта, воспринимаемого – при многоплановости эмоциональной палитры – в просветленных тонах (ср.: «Ты получишь *привет* из Египта / От *веселых феллаиских ребят*» [Там же, с. 289]).

Сознание лирического героя («носителя сознания и предмета изображения», отличающегося «известной определенностью бытового, житейского, биографического облика» [Корман, 1978, с. 48]) с наибольшей полнотой проявлено в стихотворениях «Мадагаскар», «Вступлень» и «Нигер», фиксирующих переход от эмоционального негатива («Мадагаскар») к позитивному мировосприятию («Нигер»).

Субъект «Мадагаскара» дистанцирован от идеала встречи с «неведомым миром» (явившимся герою во сне): «...Я лежал на *моей* постели / И грустил о *моей* ладье» [Гумилев, 1990б, с. 304]. Следует выделить «двупланную» функциональность поставленных в единый контекст грамматических маркеров личной оценки: «мое» увидено с противоположных позиций – предметно-бытовой (повседневнo-утилитарной) и ценностно-актуальной (личностно-значимой).

«Ментальное присвоение» объекта реализует сильную позицию «я», позволяющую преодолеть стихийность материального (внешнего) окружения, утвержденного формами лирического повествователя и лирического «я». Романтическое «присвоение» трактуется как познание в плане утверждения вектора «становящейся субъективности».

В тексте «Вступлень» – стихотворения, открывающего «Шатер», – интроспективно обозначен аспект значимости обращения к африканскому «Евангелию». Лирический герой выступает в качестве посредника, функции которого заключаются в «ретрансляции» знания, обращенного к адресату, наделенному как объектным, так и субъектным статусом. Иными словами, *то, что* является предметом познания, становится *тем, кому* это знание адресуется: «Про деянья *свои* и фантазии, / Про звериную душу *послушай*» [Там же, с. 284].

В завершающем «Шатер» стихотворении «Нигер» объектам на карте, следующей параметрам материального мира, противопоставлены артефакты, отнесенные к атрибутике мира духовно значимого (на образ карты наслаивается момент достоверности «внутреннего» опыта⁵): «Я тебе, о *мой Нигер*, готовлю другую / Небывалую карту, отраду для глаз, / Я широкою лентой *парчу золотую* / Положу на *зеленый и нежный атлас*» [Гумилев, 1990б, с. 311] (героем также выбраны «рубины», «большой изумруд», «бледный опал» и «жемчужина»).

Субъектная схема «Нигера» имеет вид Я (ТЫ > МОЙ) > (Я/МЫ) ТЫ, где часть Я (ТЫ > МОЙ) фиксирует акт «присвоения» объекта, часть (Я/МЫ) ТЫ – попытку закрепления объекта в статусе субъекта: «Сердце Африки пеня полно и пыланья, (план объекта) / И я знаю, что если мы видим порой / Сны, которым найти не умеем названья, (план субъекта) / Это ветер приносит их, Африка, твой!» (объединенный план) [Там же]. В тексте подведен итог развитию метасюжета «Шатра» – познания «другого» («иноного») как «себя», одухотворения материи и осуществленной «картографии духа». Субъективность видения сопровождается ценностным приятием объекта.

⁵ Ср. отмеченное Е. Ю. Куликовой «непрочное равновесие между реальностью и вымыслом», которое «делает облик героя-путешественника двойственным, условным» [Куликова, 2010, с. 81].

Таким образом, реализация оппозиции «личное – внеиндивидуальное» в аспекте динамики субъектно-объектных отношений маркирует поиск обновленного видения: материальная уплотненность мира продуцирует множественность ракурсов освещения, преодолеваемую избирательным отношением к проявлениям объектной сферы.

Установка автора определяется интуицией «хранимого человека», пониманием необходимости выбора равновесной позиции, учитывающей как законы существования материального мира, так и своеобразие духовных запросов⁶.

Список литературы

Бройтман С. Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины / Под. ред. Л. В. Чернец. М., 1999. С. 141–153.

Верховский Ю. Н. Путь поэта // Н. С. Гумилев: pro et contra / Сост., вступ. ст. и прим. Ю. В. Зобнина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 505–550.

Гумилев Н. С. Наследие символизма и акмеизм // Гумилев Н. С. Стихи; Письма о русской поэзии / Вступ. статья Вяч. Иванова; сост., науч. подгот. текста, послесл. Н. Богомолова. М.: Худож. лит., 1990а. С. 409–413.

Гумилев Н. С. Стихи; Письма о русской поэзии / Вступ. статья Вяч. Иванова; сост., науч. подгот. текста, послесл. Н. Богомолова. М.: Худож. лит., 1990б.

Гумилев Н. С. Африканская охота. Из путевого дневника // Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6: Художественная проза (1907–1918). М.: Воскресенье, 2005. С. 100–108.

Корман Б. О. Лирика Н. А. Некрасова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1964.

Корман Б. О. Лирика Некрасова. Ижевск: Удмуртия, 1978.

Куликова Е. Ю. Африканские «картинки из книжки старинной» Н. Гумилева // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 76–83.

Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв.: Антология / Сост., общ. ред. и предисл. Н. К. Гаврюшина. М.: Прогресс, 1993. С. 195–219.

A. G. Bichevin

The opposition «personal – impersonal» in the collection «Marquee» by N. S. Gumilev (the subjective aspect)

The paper deals with the subjective aspect of the realization of the value opposition «personal – impersonal» in the collection «Marquee» by N. S. Gumilev. The analysis focuses on revealing the dynamics of subject-object relations («subjective movement») and identifying the struc-

⁶ Раскрытие проблемы отношений духовного и материального находится в русле поисков религиозно-философской мысли начала XX в., составляя параллель в исканиях Е. Н. Трубецкого – одного из восприимчивых В. С. Соловьева: «Бессознательной, слепой и хаотичной жизни внешней природы противопоставляется в человеке иное, высшее веление, обращенное к его *сознанию и воле*» (выделено автором. – А. Б.) [Трубецкой, 1993, с. 195].

tural indexes of distributing the «personal» and «impersonal» positions that reflect the attitude of «the author as a concept». The specificity of the subjective organization of «Marquee» is defined by the presence of several groups of poems representing the «models» of the lyric narrator, the lyric «I» and the lyric hero. These «models» are characterized by different degrees of the manifestation of the subject's evaluation. The positive treatment of the anthropological questions is topical in the case of a greater expression of the «I»-position («the personal»), and the intensification of conflict component is important in the case of the prevalence of an object («the impersonal»). The variability of the subjective representation of the author's consciousness expresses an updated vision of the problem of interaction between man and the surrounding world, marking the perspective of «spiritualizing» the objective sphere in the context of the «arising subjectivity».

Keywords: N. S. Gumilev, author's consciousness, the opposition «personal – impersonal», subject-object relations.

DOI 10.17223/18137083/53/12